

ЭТЮДЫ К МЕНАНДРУ

Г. Ф. ЦЕРТЕЛИ

(Представлено академиком С. А. Жебелевым в заседании Отделения Гуманитарных Наук
16 мая 1928 года)

I

FABULA INCERTA.

Сохраненный Каирским кодексом отрывок из комедии Менандра, обозначаемой в изданиях Sudhaus'а и Коерте, как «fabula incerta», состоит из 60 стихов с небольшим.¹ Установить, к какой комедии принадлежал отрывок, до сих пор не удалось ввиду отсутствия соответствующих данных.

Правда, в отрывке встречается глагол *ἀναίνομαι*, про который Гарпократион говорит, что он, будучи понимаем в специфическом смысле «отказываться от вступления в брак», был применен Менандром в его комедии «Сикионец».² Именно в таком смысле стоит *ἀναίνομαι* в нашем отрывке (ст. 17). Отсюда как будто следует, что отрывок входил некогда в состав вышеназванной пьесы Менандра. Однако, известные нам отрывки из «Сикионца» рисуют фабулу, как будто не подходящую к той, которая развивалась в *fabula incerta*. В «Сикионце» выступали в качестве действующих лиц «хвастливый воин» Стратофан, спутник его, парасит в редкой для парасита роли жениха³ и, наконец, девушка, по положению рабыня, по происхождению свободная, которая, надо думать, являлась яблоком раздора

¹ Sudhaus², *Menandri reliquiae purae repertae*, p. 75 sq.; Коерте², *Menandrea*, p. 95 sq. По счету Коерте отрывок заключает в себе 61 стих, по счету Sudhaus'а 64, так как Sudhaus присоединяет к fr. LPS, из которых и составляется наш отрывок, fr. i, безусловно относящийся сюда же. Ср. также Sudhaus, *Menanderstudien*, Bonn, 1914, 49 sq.

² Нагрост. 16, 17 (= fr. 446 Коок): *ἀναίνεσθαι κοινῶς μὲν τὸ ἀρεῖσθαι ἰδίως δὲ ἐπὶ τῶν κατὰ τοὺς γάμους καὶ τὰ ἀφροδίσια λέγεται. Μένανδρος Σικωνίαι.* Ср. также Suidas s. v. *ἀναίνομαι*.

³ См. G. Capovilla, *Menandro*, Milano, 1924, 271.

между воином и каким-то влюбленным в нее юношей. Иную картину рисует наш отрывок. Из него видно, что в комедии, часть которой он составлял, главными персонажами были: два юноши, Мосхион и Херея, два старика, Лахет и Клеенет, и дочь Клеенета, предмет любви Мосхиона. Какие были прочие действующие лица, мы, правда, не знаем, но вряд ли ими могли быть Стратофан и паразит. Допущение их в нашу пьесу предполагало бы наличие в одной комедии двух самостоятельно развивающихся любовных интриг: одной, затрагивающей Стратофана, другой — Мосхиона. Но это нарушало бы единство действия, портило бы стройность композиции и не соответствовало бы обычной манере Менандра, старавшегося не дробить внимания развитием двух параллельно развивающихся и притом однородных мотивов.¹

В силу этого приходится думать, что наш отрывок не имел отношения к комедии «Сикионец», но входил, как составная часть, в другую пьесу, заглавие которой неизвестно. В этой пьесе он был, повидимому, заключительной сценой, последним аккордом сложной и многообразной фабулы. Реконструировать пьесу мы, конечно, не в состоянии: нет данных. Мы можем только в самых общих чертах представить себе ее содержание, но не можем уловить постепенного хода действия, а тем более всех его подробностей и деталей.

Как уже отмечено выше, в пьесе выступали два старика: Лахет и Клеенет. Первый из них, насколько охарактеризован он в отрывке, — настоящий «*pater oburgator*». Качества, ему по преимуществу присущие, это — раздражительность, грубость и вспыльчивость (ст. 48—49). Что до Клеенета, то о нем мы знаем только одно: он — член ареопага (ст. 11), верховного судилища, стоящего на страже нравственности и преследующего всякого рода распущенность.² У Лахета, кроме сына Мосхиона, есть дочь. Есть дочь и у Клеенета, в которую влюблен и в связи с которой находится Мосхион. Связь эта началась с того, что Мосхион, вероятно, на каком-

¹ Две любовных интриги развиваются в комедии Теренция «*Andria*». Из них основной является история любви Памфила и Гликеры, а параллелью к ней служит любовь Харина и Филумены. Но хотя «*Andria*» Теренция составлена по *Ἀνδρία* и *Περωνδία* Менандра, фигуры Харина и его раба Биррии представляют, по словам Доната, самостоятельный домysel Теренция. Иными словами, в одновременном проведении двух любовных интриг повинен не Менандр, а Теренций.

² Так как до некоторой степени имена, носимые персонажами «новой» комедии имеют отношение и к их характерам, то можно думать, что Клеенет нашего отрывка мог кое в чем напоминать Клеенета из «Земледельца». Тогда мы имели бы в нем тип сдержанного, умеренного в своих привычках человека, врага всяких излишеств, настоящего ареопагита. Ср. Г. Ф. Церетели, Новые комедии Менандра, стр. 387.

нибудь ночью на празднестве изнасиловал девушку (ст. 17), ему в то время еще незнакомую, тем более что

Nox et Amor vinumque nihil moderabile suadent:
 Ша pudore vacat, Liber Amorque metu.¹

Иными словами, мы имеем ситуацию, которая не один раз развивается в «новой» комедии. Как на параллели, достаточно указать на «Самиянку» Менандра, или на «Братьев» Теренция, особенно на последнюю пьесу, где в таком же положении, как Мосхион, находится Эсхин, приемный сын Микиона. Связь Мосхиона держится им в тайне от Лахета и Клеенета. В тайну могла быть посвящена только жена Клеенета, как наблюдается это, напр., в «Самиянке», где глава семьи, Никерат, одним из последних узнает о позоре своей дочери Плангò, тогда как жена его знает об этом с самого начала.² Скрывая свою связь, Мосхион не решается просить Лахета о разрешении жениться на девушке. Причиной подобной нерешительности вряд ли была неловкость перед отцом за свой проступок.³ Скорее Мосхиона удерживало другое: боязнь получить отказ на свою просьбу, или ввиду враждебных отношений Лахета к Клеенету, или же в силу того, что Лахет предназначал для своего сына другую невесту, — мотив, затронутый, между прочим, в «Земледельце».⁴

Но как ни скрывал свою тайну Мосхион, ей в конце концов предстояло выйти наружу, тем более, что от дочери Клеенета у него родился ребенок (ст. 55). Надо было найти выход из создавшегося положения, вырвать у Лахета согласие на брак и уладить дело с Клеенетом. Как удалось Мосхиону последнее, мы не знаем. Скорее всего он принес Клеенету повинную и дал обещание жениться на его дочери.⁵ Во всяком случае, из нашего отрывка ясно, что Клеенет действует заодно с Мосхионом и принимает участие в заговоре, направленном против Лахета. Отсюда ясно, что он примирился с виновником позора своей дочери и хочет одного: довести дело до благоприятного конца. Конечно, ввиду того, что Мосхион опозорил «свободную девушку», Клеенет, как отец пострадавшей, мог действовать

¹ Ovid. Am. I, 6, 59 sq.

² Г. Ф. Церетели, op. cit., 376.

³ Подобная неловкость вполне понятна со стороны Эскина в «Братьях» Теренция по отношению к благодушному Микиону, но она была бы психологически неверна в нашем случае: Лахет не Микион! Ср. Terent. Adelph., 690 sq.

⁴ Г. Ф. Церетели, op. cit., 377.

⁵ Не иначе поступает Ликонид по отношению к Эвклиону в «Aulularia» Плавта. См. Plant. Aulular., v. 790 sq.

иначе. На манер Гегиона из «Братьев» Теренция он мог просто на просто потребовать от Лахета, чтобы тот женил Мосхиона на его дочери, угрожая, в случае неисполнения своего требования, начать дело судебным порядком.¹ Но подобный шаг был оставлен Клеенетом в стороне, как неподходящий. И в самом деле, зачем было переходить на почву закона? Ведь Мосхион не только не отказывался от женитьбы на своей любовнице, но, наоборот, желал этого.² С Лахетом же, человеком неприятным и неуживчивым, можно было справиться иным путем, и притом так, что Лахет, сам того не замечая, попал бы в смешное, глупое и безвыходное положение.

Всех подробностей того, как шла интрига, направленная против Лахета, мы не знаем. Сохранившийся отрывок дает ее в форме «fait accompli». Лахет уже попал в расставленные ему сети. Он принимает в серьез все, что говорит ему Херея, друг Мосхиона, прикидывающийся врагом последнего. Он ни на минуту не сомневается в истине его слов и, под влиянием их, приходит в полный ужас. Но это и понятно. Ведь, согласно словам Херея, с Мосхионом произошло следующее. Уже давно влюбленный в дочь Клеенета (ст. 14), Мосхион хотел жениться на ней, но не мог получить на то согласия ее родителей, которые *будто бы* просватали девушку за Херею (ст. 15—16). Раздраженный этим, Мосхион всячески старался мешать Херее (ст. 14—15), делал ему разные неприятности (ст. 12—13) и, наконец, решился на изнасилование предмета своей любви (ст. 17). Однако, последний шаг не прошел для него даром. Он был пойман на месте преступления Клеенетом (ст. 7: ἐπ' αὐτοφώρῳ), который и держит его теперь под замком (ст. 3: ἡμέρας εἰσ]ξασ δλ[ασ] ἔχ[ει], как прелюбодей, как *μοιχός*. Мало того, у Клеенета есть под рукой не мало свидетелей, которые готовы присягнуть в том, что видели Мосхиона с девушкой (ст. 6—9). Одним словом, дело приняло оборот тем более опасный, что Клеенет — член ареопага (ст. 11), судилища, призванного следить за нравственностью граждан и наказывать всех, нарушающих правила благочиния.³

¹ Ср. Terent. Adolph., 490 sq.

² Ср. v. 46 sq.:

ἔχει τὴν παρθένον
ὁ Μοσχίων [εἰληφ]᾽ ἐθειλοντήσ, οὐ βίαι.

³ Ср. Arist. Αῦ. πολ. 3, 6: διώκει δὲ τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ κολλάουσα καὶ ζημιούσα πάντας τοὺς ἀκοσμοῦντας κυρίως. Гиперид в речи «Против Патрокла» (fr. 141 Blass) передает, что ареопагиты исключили из своего состава одного из сочленов за то, что он пообедал в харчевне. Далее у Афиней (IV, p. 167 c) упоминается о том, что ареопагиты привлекли к ответу Димитрия, сына Димитрия Фалерского, за распущенность и жизнь не по средствам. Ср. также Alciphrg. ep. III, 7, 4: ареопагит Смикрий разгоняет пирующих в доме некоего Харикла, подвергает побоям самого хозяина и передает прихлебателей Харикла, паразитов, в руки тюремного начальства.

Понятно, что принятое на веру сообщение Хереи должно было до глубины души потрясти Лахета. С прелюбодеями, пойманными на месте преступления, в древности не церемонились. Достаточно вспомнить по этому поводу речь Лисия «Против Эратосфена», характерную иллюстрацию к быту и нравам того времени.¹

Что же касается общей ситуации, то картина, рисуемая Хереей, сильно напоминает собой одно место из «Евнуха» Теренция, а именно, то место, где служанка гетеры Фаиды, Пифиада, пугает раба Парменона вымышленной вестью о том, что его «барчук» Херея, совершивший в доме Фаиды насилие над одной девушкой, задержан будто бы братом последней и что этот брат *«грозится теперь сделать с ним то, что обыкновенно делают с прелюбодеями»*. Одним словом на Мосхионе, если верить Херее, в полной мере сбылась обычная житейская истина:

*οὐδεὶς ξύνοιδεν ἔξαρτάων, πόσον
ἀμαρτάνει τὸ μέγιστος, ὅσπερον δ' ὄραϊ.*

Лахет, приведенный в ужас рассказом Хереи, старается задобрить юношу. Он умоляет его спасти Мосхиона (ст. 5); он согласен с тем, что Мосхион обидел Херею, отняв у него невесту (ст. 12); он готов, наконец, в виде компенсации за потерю для Хереи дочери Клеенета женить его на своей дочери, сестре Мосхиона.

Этот последний пункт очень интересен для выяснения некоторых деталей пьесы. Надо думать, что Херея был влюблен в дочь Лахета, но не решался признаться в этом.² Таким образом, теперешнее предложение Лахета, идущее от него самого, вполне соответствует тайным мечтам Хереи. Но так как в заговоре против Лахета он взял на себя роль quasi-жениха дочери Клеенета, жениха, получившего будто бы согласие родителей девушки (ст. 18) и ныне якобы оскорбленного в своих лучших чувствах, то, конечно, он не может принять предложения Лахета, дабы не выйти из взятой на себя роли.³ Итак, приведение в исполнение части плана заговорщиков имело своим результатом полное *терроризирование* Лахета.

¹ Terent. Eunuch., 957 sq.: Nunc minatur porro sese id quod moechis solet:

Quod ego nunquam vidi fieri neque velim.

² Это не значит, конечно, что история любви Хереи развивалась в пьесе, как самостоятельный эпизод: о ней могло только упоминаться мимоходом.

³ Так, на мой взгляд, надо объяснять отказ Хереи (ст. 17), и вовсе не нужно, вслед за Кювенте² (op. cit., XLIII), видеть в Херее настоящего соперника Мосхиона, который «neque eam (т. е. дочь Клеенета) sedere amico, neque zogoret Moschionis, Lachetis filiam, in matrimonium ducere vult». При таком понимании многое в отрывке останется неясным (ср. ст. 50 сл.), и сверх того вся ситуация теряет в комическом эффекте.

Он уверен, что его сын попался, как прелюбодей, что он находится в руках Клеенета и что ему грозит гибель или позор, т. е. иными словами Лахет стоит перед вопросом: что делать?

В эту трагическую для него минуту появляется тот, кого Лахет всего более боится, — сам Клеенет. Судя по его возгласу, он находится в повышенном настроении (ст. 20: *οἰμοί, τί ποιῶω*). Лахету страшно. Как хорошо, что он не один, что при нем Херея (ст. 21 сл.)! Через Херею и хочет он завязать переговоры с Клеенетом, дабы склонить последнего на мировую, т. е. на согласие выдать за Мосхиона опозоренную Мосхионом девушку. Херея делает вид, что это «выше его сил». Как может он просить Клеенета отдать другому предмет своей любви? Все, что угодно, но не это (ст. 23 сл.)! Но Лахет настаивает, и Херея соглашается. Он выступает в качестве парламентаря и в то время, как сам Лахет молчит, Херея, словно его уполномоченный, при негодующих криках Клеенета, торжественно от лица Лахета заявляет, что Мосхион «сошелся с дочерью Клеенета для зачатия законнорожденных» (ст. 29 сл.), т. е., иными словами, он произносит обычную формулу, которая применялась при заключении брака.¹ С своей стороны трепещущий Лахет скрепляет слова Хереи своим словом (ст. 31 сл.). Мало того, он просит отпустить Мосхиону его былые прегрешения и ручается за него в будущем. Итак, всякие ужасы и страхи исчезли. И в этот момент, словно для усиления общего эффекта, Херея торжественно заявляет, что он тоже прощает своего друга — обидчика (ст. 36 сл.). Лахет вне себя от радости. Он не знает, как и благодарить Херею. И в самом деле, часто ли встречается подобное забвение личных интересов, подобная кротость и незлобивость (ст. 41 сл.)? «Беру пример с тебя», иронически замечает Херея и уходит: его роль сыграна, намеченная цель достигнута, — он оставляет поле действий Клеенету. А между тем Лахет, освобожденный от всякого рода кошмарных мыслей, продолжает радоваться. Отныне не придется ему вечно трепетать за сына. Женитьба успокоит юношу, введет его в норму и предохранит на будущее время от всякого рода опрометчивых шагов (ст. 44 сл.).² Излияния Лахета надоедают Клеенету: ему прискучило носить маску притворства. «О чем еще говорить?» Мысли, ныне высказы-

¹ См. *Men. Circumtons.*, 435 sq. Ср. Г. Ф. Церетели, *op. cit.*, 462 сл., а также см. ниже стр. 240, прим. 1.

² Подобный взгляд на брак, как на узду, накладываемую на юношей для введения их в русло нормальной жизни, не один раз развивается в «новой» комедии. Всего определеннее выявлен он в «*Neauton timogshenov*» Теренция, где отец Хремет прощает своего сильно провинившегося сына Клинию под одним условием: сын должен жениться (v. 1055 sq.). Ср. *Apul. met.* VI, 23: *tollenda est omnis occasio et luxuria puerilis nuptialibus pedicis alliganda.*

ваемые Лахетом, уже давно были учтены им, Клеенетом. Результат на лицо: Мосхион владеет дорогой его сердцу девушкой; он пошел на это по доброй воле; его никто не принуждал, не насилдовал; у него уже есть ребенок, — словом, все сложилось на редкость хорошо и удачно (ст. 45 сл.). Лахет по мере выслушивания слов Клеенета, начинает чувствовать, что его обволакивает какая-то пелена. Как так? А Херея? Разве не за него была сосватана дочь Клеенета (ст. 51)? Разве не был обижен в своих лучших чувствах этот «милый» юноша (ст. 59 сл.)? Ничего подобного. Тут какое-то недоразумение! Постепенно, под влиянием получаемых ответов, прозревает Лахет. Истина вскрывается перед ним. Он понимает, что над ним подшутили, что он остался в дураках, что все было подстроено нарочно (ст. 62). Боялись, что он разбушует, узнав о проделках своего сына (ст. 48), и вот путем ряда ловких шагов добились того, что ему и слова сказать нельзя. Что же делать? Остается одно: примириться с происшедшим и облегчить свою взволнованную душу негодующим возгласом (ст. 63).

Так, на мой взгляд, надо понимать и объяснять отрывок из *fabula incerta*. Подобное понимание дает нам возможность до некоторой степени восстановить содержание пьесы. Конечно, это восстановление не претендует на полноту. Получается всего на всего сухой абрис, слабый контур, который мы не в состоянии заполнить живыми красками: слишком невелик дошедший до нас отрывок. И все-таки, все особенности Менандра ярко сказываются в нем. Перед нами обломок великолепной статуи, позволяющий судить о красоте последней. Поэтому я считаю нужным приложить отрывок в посильном переводе. Пусть он сам говорит за себя!¹

[Сцена представляет городскую улицу. В глубине ее два дома: один — Лахета, другой — Клеенета. Перед домом Лахета стоят сам Лахет и друг его сына, Мосхиона, юноша Херея. Они ведут оживленный разговор, видимо, волнующий Лахета.]²

Х е р е я.

«Схватил и запер и теперь» дни целые
Его он держит под замком...

Л а х е т.

Злосчастного

Уж ты, Херея, ради бога, вызволи!

5

¹ В основу перевода положен текст по изданию Sudhaus' a: Sudhaus², *Menandri reliquiaae purae heretae*, Bonn, 1914, pp. 75—78.

² Первые два стиха, от которых осталось всего на всего несколько букв, опущены мною. Слова же, поставленные в угловатые скобки, внесены мной *exempli gratia*.

Х е р е я .

У старика¹ хоть отбавляй свидетелей!
Застав его² на месте преступления,
Соседам он сказал, и те доказывать
Не прочь, что узника³ видали с девушкой...

Л а х е т .

10 Мосхион, сын, губитель мой!

Х е р е я .

Клеенет же
Ареопага член!

Л а х е т .

Я от стыда горю!
Ведь и тебя обидел сын, — приятеля?

Х е р е я .

15 Не раз один, — ничем на то не вызванный.
Любил он девушку, давно, и каверзы
Чинил мне всякие... Потом, отчаявшись
Добром на брак склонить ее родителей,
Ишь ты, что вывинул!

Л а х е т .

А почему же ты
Не хочешь в брак вступить с моею дочерью?

Х е р е я .

Но что скажу я тем, что уж сосватали⁴
Мне, Лахет, дочь свою? Будь мне пожалуйста...

[Херя не успевает докончить фразы, как из своего дома выходит Клеенет и останавливается у дверей. На первых порах он делает вид, что не замечает Лахета и Херею. Вид у него взволнованный и раздраженный.]

К л е е н е т .

Увы! Что делать мне?

¹ Т. е. у Клеенета.

² Т. е. Мосхиона.

³ Т. е. Мосхиона, запертого Клеенетом.

⁴ Разумеются Клеенет и его жена.

Херей.

Кто у дверей кричит?

20

Лахет (*к Херее*).

Клянусь Зевесом, ты во благовремье

Пришел на помощь мне.

Херей.

А что же делать нам?

Лахет.

Его упрашивать.

Херей.

То выше сил моих!

Чтоб я, обиженный, да стал упрашивать

Отдать обидчику мою-же милую?¹

Лахет.

Стерпи в угоду мне!

Клеенет (*замечая Лахета*).

Клянуся Гелием,

25

Противно, Лахет, мне смотреть в глаза твои!

Лахет (*обращаясь к Клеенету*).

Да ты о чем кричишь?

Клеенет.

Глумишься, важется?

Херей.

Клеенет, выслушай... С твоей юницею

Мосхион сблизился...

Клеенет.

Обида кровная!

¹ Т. е. дочь Клеенета, зазнобу и жертву Мосхиона.

Х е р е я.

30

Постой, — он сблизился, но для зачатия
Законнорожденных...¹ То подтвердит тебе
Отец Мосхиона, — вот он!

(К Лахету).

Не правда-ли?

Л а х е т.

О да, Херея мой! И не подумаю
Тебя оспаривать.

Х е р е я.

Поступок правильный!

[Не хватает трех или четырех стихов. Надо думать, что они заключали начало реплики Лахета, который переходил к усиленной защите своего сына.]

Л а х е т.

35

«Сын виноват» во всем, «но он исправится.»²
Ведь грех, свершенный им, — грех человеческий!
В том я поручую.

Х е р е я.

Ведь след и мне теперь
Простить приятеля!

К л е е н е т.

Ну, дело слажено!

Л а х е т.

Вы поступили с ним совсем по-божески!

Х е р е я.

Я не при чем, — ты говори с Клеенегом.

Л а х е т.

40

Как не при чем?

Х е р е я.

Что было, то забылося!

¹ Эта фраза, обычная формула при заключении брачного договора, звучит здесь не совсем обычно. Выходит, что Мосхион, находящийся в незаконной связи с девушкой, сделал это для рождения от нее законных детей, не заручившись согласием отца девушки, который как раз и должен был говорить, передавая дочь: «я отдаю дочь для рождения законных детей», на что берущий зять отвечал: «принимаю». Отсюда ясно, что слова Херея есть ни что иное, как комическая выходка, настоящий «non-sense», вполне соответствующий фарсовому характеру всей сценки.

² Стих дополнен мною: в подлиннике от него сохранилось лишь одно слово.

Лахет

Какой ты добренький, ты пелон кротости,
Совсем не серднисься!

Херея (*с иронией.*)

С тебя пример беру!

Лахет.

На что сердиться мне? Нет основания!
Свободен ныне я от страха вечного,
Что сына надо мне спасать...

(*Херея уходит.*)

Клеенет.

Давпо уже

45

Мы дело сладили... Твой сын взял девушку
По доброй воле, не по принуждению.
Боялись мы: узнаешь, разбушуешься!¹
Но обошелся ты, — мы осчастливлены.
О чем шуметь?

Лахет.

Как так?

Клеенет.

А как же иначе?

50

Лахет.

Не за Херею ли сперва просватали
Вы дочь свою?

Клеенет.

О, нет!

Лахет.

Сважи пожалуйста!

Не за Херею? За кого-же?

Клеенет.

Чистая

Умора! Аль оглох? Да за Мосхиона,
За твоего сынка!

¹ Лахет, как видно из этого стиха, был настоящим alter ego Никерата, одного из действующих лиц «Самиянки». Как и Никерат, он отличается вспыльчивостью, несдержанностью, неуравновешенностью. Про него, как и про Никерата, можно сказать, что «с ним намучаешься и что успокоить его не легко» (Самиянка, ст. 205 = Г. Ф. Церетели, op. cit., 330 сл.).

Лахет.

Ишь ты!

Клеенет.

55

Порукою

Мне боги! От него дитя...

Лахет.

Помалкивай!

Как? От Мосхиона? О боги чтимые!

Куда ни вивь, все клин!

Клеенет.

Скажи, в уме ли ты?

Знать подождать бы мне тебя расхваливать.

Лахет.

60

Вы не обидели Херею милого?

Клеенет.

Херею? Чем?

Лахет.

Как чем? Почто же плакался

На этом месте он?

Клеенет.

Хотел он видимо....

Лахет.

Хотел, — не против ли меня подстроено

Все это? А? Земля!!¹

Клеенет.

С тобой что дется?

Лахет.

65

Да ничего! И все-ж во имя Гестии

Прошу — дай вринуть мне разочка два иль три!

¹ Не иначе поступает и Дея в «Самиянке» (ст. 110 = Г. Ф. Церетели, *op. cit.*, 319), когда он, теряя всякое самообладание, не находит ничего лучшего, как взывать в повышенном, чисто трагическом тоне к «городу страны Кекропа» и к «далекому Эфиру». Ср. также Terent. *Adelph.* 790: *o coelum, o terra, o maria Neptuni*. Перед нами так наз. *paratraxidia*, т. е. применение трагического стиля для усиления по контрасту комического эффекта фразы. См. Г. Ф. Церетели, *op. cit.*, 354, прим., а также стр. 280.

В приведенном отрывке, прежде всего обращает на себя внимание бойкость, живость и естественность диалога. Мы слышим настоящую разговорную речь, чуждую холодной периодичности. Краткие, сжатые, иногда не доканчиваемые фразы быстро сменяют одна другую. Собеседники словно перебрасываются ими, как бы забывая обо всем, кроме сути волнующего их вопроса. Им не до красоты речи, не до ее выделки.

Выдерживаемый в таком тоне диалог не редкость для Менандра. Но все-таки та степень живости диалога, которая наблюдается в сценке, и у Менандра встречается не так часто. Нашу сценку можно сравнивать скорее всего с разговором Демей и Никерата в «Самианке» (ст. 202 сл.),¹ на что указал уже SUDHAUS.² Однако, в сценке есть еще одна черта, которая с своей стороны сближает ее с вышеуказанным пассажем. Я имею в виду лежащий на ней *фарсовый* оттенок. И в самом деле, сцена построена так, что слова и движения действующих лиц производят, несмотря на драматичность отдельных моментов, впечатление рассчитанных на смех чисто комических эффектов. Происходит же это потому, что серьезный тон противопоставляется содержанию, абсолютно не серьезному в своей основе. Зрители присутствуют при веселом фарсе, в котором все стрелы насмешки направлены на Лахета, не подозревающего об этом. Он играет роль настоящего «*rapin à ficelles*» — картонного плясуна, которого дергают за ниточку сперва Херея, потом Клеенет, предоставляя ему, однако, полную возможность думать, что он действует свободно.³ Только в самом конце истина выходит наружу, и Лахет из игрушки, приводимой в движение, превращается в игрушку, оставляемую в покое за негодностью.

Таковы особенности сценки, которые стоят быть отмеченными и которые сближают ее с «Самианкой». Но значит ли это, что и вся пьеса, в которую входила сценка, напоминала собой, по проведенным в ней приемам, «Самианку», или, что то же, относилась к числу ранних пьес Менандра, в которых он еще не вполне отошел от приемов «древней» комедии?⁴ На подобный вопрос нельзя дать положительного ответа: слишком мал отрывок, с которым приходится оперировать. Но, во всяком случае, не мешает

¹ Г. Ф. ЦЕРТЕЛИ, *op. cit.*, 330 сл.

² SUDHAUS², *op. cit.*, p. 75.

³ BERGSON, *Le rire*, p. 79: *Innombrables sont les scènes de comédie où un personnage croit parler et agir librement, où ce personnage conserve par conséquent tout l'essentiel de la vie, alors qu' envisagé d'un certain côté il apparait comme un simple jouet entre les mains d'un autre qui s'en amuse.*

⁴ Г. Ф. ЦЕРТЕЛИ, *op. cit.*, 346. Ср. SUDHAUS, *Menanderstudien*, p. 49.

отметить, что ярко выраженный фарсовый оттенок сценки как будто говорит в пользу отнесения пьесы, к которой она принадлежала, к более раннему периоду Менандровского творчества. Этого оттенка нет, напр., в таких зрелых пьесах Менандра, как «Третейский суд» и «Отрезанная коса». В них виден широкий взмах крыльев, уже приобывших к самостоятельному лету, в нашей же сценке только предощущается их грядущая мощь.

